

Administrative Political Elites of the Modern Northern Caucasus

Marina V. Limareva

Pyatigorsk Institute (branch) of SKFU, Pyatigorsk, Russia

E-mail: pragpu[at]mail.ru

Abstract

Politics is one of the most dynamic spheres of human activity and the processes taking place here are always in a state of continuous change, refinement, addition and transformation. This dynamic is found both at the federal and regional levels. The cycles of change vary, but all together they indicate that there is a constant process of fine-tuning and coordination of political mechanisms to improve the structures of state power. This process is especially important in complex multiethnic regions, where many ambiguous and contradictory things have accumulated over the years. The heads of the subjects of this region always have to solve the "old" problems accumulated here, postponed for various reasons by their predecessors. Relying on existing traditions makes it possible not to make mistakes and aggravate the situation, but to always find the optimal solution for everyone. This study provides a systematic analysis of the problems existing among regional elites, the challenges of which they need to cope with in order to guarantee peace and order to the local population. It is the quality of solving this problem that determines the degree of effectiveness of their professional activities and the level of trust in them.

Keywords

Elites; ethnocracy; political leadership; corruption; criminality; patriarchy; conflict; consensus; differentiation.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Административно-политические элиты современного северного Кавказа

Лимарева Марина Владимировна

Пятигорский институт (филиал) СКФУ, Пятигорск, Россия

E-mail: pragpu[at]mail.ru

Аннотация

Политика является одной из самых динамичных сфер человеческой деятельности и проходящие здесь процессы всегда находятся в состоянии непрерывного изменения, уточнения, добавления и трансформации. Данная динамика обнаруживается как на федеральном, так и на региональном уровне. Циклы изменения различаются, но все вместе они свидетельствуют о том, что идет постоянный процесс доводки и слаживания политических механизмов по совершенствованию структур государственной власти. Особенно этот процесс имеет важность в сложных полиэтнических регионах, где за многие годы скопилось много неоднозначного и противоречивого. Руководителям субъектов этого региона всегда приходится решать скопившиеся здесь «старые» проблемы, отложенные по разным причинам их предшественниками. Опора на существующие традиции позволяет не совершать ошибок и обострять ситуацию, а находить всегда оптимальное для всех решение. В настоящем исследовании проводится системный анализ существующих у региональных элит проблем, с вызовами которых им необходимо справиться для того, чтобы гарантировать местному населению мир и порядок. Именно качество решения этой проблемы и определяет степень эффективности их профессиональной деятельности и уровень доверия к ним.

Ключевые слова

Элиты; этнократия; политическое лидерство; коррупция; криминальность; патриархальность; конфликт; консенсус; дифференциация.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
[Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Регионализация политических элит всегда отличалась своим беспрельным многообразием и необходимостью учитывать множество различных переменных. Стандарты здесь имели всегда относительный характер и касались главным образом имперских политических образований. Региональные элиты – это всегда многообразие и постоянно уточняющаяся иерархия административно-политических и хозяйственных отношений. И мы видим, как происходящие в полиэтническом регионе трансформационные процессы, связанные с функционированием государственных структур власти, требуют постоянной доводки и уточнения.

Регион Северного Кавказа всегда пользовался повышенным вниманием российского федерального центра. Происходившие здесь процессы и события представляли угрозу, как национальной безопасности, так и социально-экономической стабильности России в целом. Так, согласно точке зрения профессора К.С. Гаджиева, «Кавказ представляет собой специфический регион, обладающий особым обликом, своими особенностями территориально-географического, исторического, социально-экономического, этнонационального, социокультурного и конфессионального характера. Этим объясняется тот факт, что в отечественной политической науке ещё не дан научно обоснованный ответ на вопрос: можно ли говорить о Кавказе как о единой для представителей всех народов региона кавказской идентичности? Если да, то в чём состоит её сущность?» (Гаджиев, 2010а, стр.64). Единство этого региона всегда носило условный характер, тогда как многообразность, а, следовательно, и сложность, указывала на необходимость учета различных характеристик и особенностей, случайный набор которых и определяет текущее состояние политического бытия.

Методология

Трансформация государственных структур власти в таком полиэтническом регионе, каким является регион Северного Кавказа, всегда во многом определялся теми историческими культурными традициями, которые сложились здесь и существуют на протяжении целого ряда столетий. Оценивать подобного рода изменения без системного анализа основ политической культуры просто методологически будет неверно.

В настоящей работе используется метод включенного наблюдения, позволяющий оценивать текущие политические события конкретного региона. Помимо этого также применяются методы историзма, статистики, системно-функциональный и институциональный методы. Комплексное использование выше перечисленных методов и приемов, позволяет придерживаться принципа объективности и адекватности в оценках и выводах настоящего исследования.

В политическом пространстве республик Северного Кавказа взаимодействуют элиты всех трех уровней – и федерального, и республиканского, и муниципального.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей традиций, которые определяют параметры существующих здесь элитарных сообществ. Задача – анализ патриархальных (архаических) механизмов региональных элитных групп, влияющих на модели функционирования власти.

В настоящем исследовании автор опирается на данные официальных сайтов местных органов власти, публикации в СМИ, научные работы известных кавказоведов, таких как К.С. Гаджиев, Р.Г. Абдулатипов, А.Т. Урушадзе, Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев, А.А. Вартумян, Ш. Кадыров и др., в которых затрагивались различные аспекты рассматриваемой нами проблематики. Среди научных публикаций особый интерес представляет работа П.Л. Карабущенко, А.А. Вартумяна и Т.А. Шебзуховой «Политические элиты Большого Кавказа (современная элитологическая компаративистика)» (Карабущенко, Вартумян, & Шебзухова, 2021).

Самоутверждающиеся элиты

Политические элиты всегда должны помнить об исторических традициях своих предшественников. Без истории и вне истории у элиты нет будущего. «Россия исторически формировалась как многонациональное и многоконфессиональное государство. Важнейшей особенностью государственного управления являлся учет права народов на ту или иную форму самоопределения в целях сохранения их самобытности. Реализация права народов на самоопределение в рамках российской государственности в т. ч. на участие их в государственном управлении, требует углубленного анализа в условиях модернизации политической системы» (Саидов, 2010, стр.7). Без учета этих существующих традиций, любые действия властей будут восприниматься местным сообществом как вторжение в их среду чего-то чужеродного.

Самоутверждение элит всегда происходит в результате борьбы за власть и признания своего авторитета. В идеале такое самоутверждение должно проходить в результате реализации своих потенциальных достоинств. На практике мы все чаще сталкиваемся с самоутверждением за счет принижения и унижения своих прямых конкурентов или оппонентов. У таких элитных группировок всегда оказывается незавершенным (вследствие возникших внутренних проблем) процесс социализации и политизации. Они «застревают» на полпути к самоутверждению, в результате чего и возникают все их системные проблемы, как «родовые проклятия».

На рубеже XX и XXI вв. среди народов Северного Кавказа началась самая настоящая борьба за историю. Она вылилась в начавшемся здесь соперничестве за раздел и передел общекавказского культурного наследия. Национальные идеологи кинулись переписывать в угоду своим элитам историю,

доказывая свои права на названия, духовные ценности и территории. Среди местных интеллектуалов началось злоупотребление «удревлением» собственной истории и попытками установления «точных» размеров своей «исторической» территории, которые никогда не совпадают с версиями соседей на этот счет. «В стремлении придать больше «классичности» собственному прошлому подчас доходят до абсурда: местные города провозглашаются старше Рима, а великих деятелей античности, раннего средневековья и даже библейских персонажей, никогда не слышавших о Кавказе, связывают с этим регионом настолько вымученными «доказательствами», что тут впору заподозрить абсолютное презрение мифологов к способности читающей всю эту чушь публики производить элементарные умственные операции. Не было бы беды, если бы подобные «открытия» оставались в рамках бытовых клинических случаев. Но в том-то и дело, что плоды этой одержимости агрессивно внедряются в массовое сознание, включая историческое образование молодого поколения» (Дегоев, 2007, стр.20).

Использование альтернативной истории приводит к усилению межэтнической напряженности. В таком регионе как Северный Кавказ такие тенденции чреваты ростом серьезных конфликтов, успешно решить которые местные элиты просто не в состоянии. Если бы не федеральный центр, местные элитные сообщества пребывали бы до сих пор в состоянии «войны всех против всех», какое здесь застал генерал А.П. Ермолов (Записки А.П. Ермолова, 1991) еще в первой четверти XIX в.

По мнению доктора исторических наук В.В. Дегоева (МГИМО), «прошлое народов Кавказа превращено в мозаику воюющих между собой национальных историй. Они наполнены мифами о «нашем» великом культурном и территориальном наследии, на которое якобы посягают соседи – «варвары», «агрессоры», «пришельцы» ит.д. Причем, отнюдь не всегда эти мифы конструируются псевдонаучными методами. Иные концепции основаны на вполне стройной – пусть и односторонней – аргументации, но это не делает их общественно полезными. Более того, они тем пагубнее, чем труднее их опровергнуть» (Дегоев, 2007, стр.19).

Самоутверждающиеся элиты Северного Кавказа успешно реализуют первую часть своего проекта (административную), оставляя реализацию второй части (политической) на усмотрение федерального центра. И федеральному центру пока удастся найти и сохранить тот баланс сил, который гарантирует равновесие и диалоговый характер во взаимоотношении местных субъектов власти.

Механизмы формирования элитных групп

Структура власти субъектов этого региона соответствует общероссийскому стандарту, хотя и имеются свои некоторые ненормативные особенности (традиции). В основном это касается существующих здесь патриархальных

традиций восприятия и оценки власти. Здесь не пользуются популярностью западноевропейские либеральные ценности и западноевропейские демократические нормы.

Элиты данного региона выполняют больше административные, чем политические функции. Поэтому, говоря об их особенностях, всегда следует держать эту уточняющую оговорку в виду, поскольку она объясняет многие северокавказские особенности. Исключением из этого правила является глава Чеченской республики, который позволяет себе иногда делать политические заявления, пользующиеся одобрением и поддержкой у определенного населения России и части ее политического класса. При этом сам Р.А. Кадыров подчеркнуто патриотически демонстрирует свою лояльность и преданность Кремлю и пытается этим показать, что говорит если не от его имени, то в продолжение его линии.

Так, что же собой представляют политические элиты этого региона? Начнем с уточняющего момента, который прояснит нам содержательную сторону самого этого понятия.

Как правило, под региональными политическими элитами подразумевают лидеров властных структур конкретного региона, обладающих: 1) основным объемом властных полномочий в выработке и принятия решений; 2) собственным аппаратом политработников; 3) определенным комплексом ценностей, установок, мировоззренческих ориентиров; 4) особым образом жизни и поведения. В широком смысле региональные политические элиты – это слой региональных политиков, занимающий позиции между федеральной и местной элитой. В узком значении – политическая элита конкретного региона (Чирикова, 2010, стр.49-50).

Большую роль в формировании административно-политических элит играет проводимая властями кадровая политика. Подборка и расстановка кадров всегда в этом регионе носила глубоко продуманные основания и даже некий символизм. Административный руководитель подбирает себе кадры в соответствии с принципами личной преданности или родства. В элитологической литературе такая политика получила название клиентелизм, который понимается как определенная система иерархических взаимоотношений между двумя акторами (обычно называемых патроном и клиентом), подразумевающая предоставление доступа к экономическим благам, назначение на политические должности или продвижение по службе в обмен на поддержку, в том числе на выборах (Афанасьев, 2000; SusanC.Stokes, 2011).

Профессор А.А. Вартумян отмечал, что «уникальность Кавказа состоит в том, что здесь на протяжении нескольких тысячелетий складывался специфический социокультурный и политический мир. Настолько специфический, что сегодня сложно его с чем-либо сравнить. Сложившиеся здесь элиты, обладали целым рядом национально-этнических особенностей» (Вартумян, 2011, стр.161). Речь идет о т.н. «эндемиках», представляющих собой целый ряд традиций и обычаев народов Северного Кавказа, отражающих его патриархальный

характер. Эти традиции и обычаи проявляются и в характере местных элитных сообществ, в особенности властных отношений, клановых связей и т.д., и т.п.

В анализе генезиса административно-политических элит Северного Кавказа часто звучат такие характеристики, как «патриархальность», «архаичность», «реликтовый» и т.д. По мнению российского политолога и геополитика А.Г. Дугина, трансформация лидерства и политических элит больше всего отражает «архаический», «несовременный» общественный строй, скрытый в советские времена и ставший очевидным после роспуска СССР (Дугин, 2012).

Российские аналитики по Северному Кавказу отмечают, что «вначале 2012 г. сложившаяся в последние годы «вертикаль власти» в Северном Кавказе была поставлена под сомнение. Однако после вступления на второй срок В.В. Путина градус напряженности вокруг этой темы в правящих кругах России стал снижаться. Попытка Москвы «сформировать элиту» на Кавказе отчасти все же удалась: сегодня, по большому счету, насилие и «терроризм» происходят лишь в пределах Кавказа, и не в центральной России (исключения, хоть и громкие, только доказывают общую тенденцию). Можно предположить, что выполнение этой задачи было и есть одним из условий поддержки Москвой сложившихся в Северном Кавказе региональных элит» (Кадыров, 2012).

Как показывает политический опыт, многие отложенные проблемы не могут быть решены вследствие их неоднозначности и таящихся в них противоречий. Поэтому каждое новое поколение начинает свое правление с изучения исторического опыта, без учета которого здесь нельзя предпринимать и начинать ни одного действия.

Весьма часто при рассмотрении проблемы элитогенеза этого региона особое внимание уделяется проблемам этноэлит и этнократии (Вартумян, 2007). Самым уязвимым местом в этнократии является ограниченность кадрового резерва и недостаточность ресурсов власти. В «лихие девяностые» каждая элитная группа решала эту проблему по-своему. И если к началу 2020-х гг. этот вопрос был в целом снят, на местах нередко случаи проявления деятельности этих этнократических элементов.

Эксперты отмечают, что в республиках Северного Кавказа нарастает роль контрэлит, руководящих внутриэтническими кланами и территориальными группами, религиозными сообществами. «Этнополитические элиты представляют собой этнически гомогенную социальную общность, являющуюся субъектом принятия важнейших стратегических решений, обладающую необходимым ресурсным потенциалом и лоббирующую интересы этнической группы во властных отношениях. Формирование этнополитических элит региона обусловлено историко-культурным контекстом, который определяет их теневизацию, традиционализацию и этнизацию. Этнополитические элиты Северного Кавказа сохраняют авторитарные традиции и ценности политического управления. Клановая принадлежность, этническое происхождение, протекционизм, клиентелизм, патернализм сохраняются в качестве базовых каналов рекрутирования элит, определяя специфику элитогенеза» (Салгириев, 2012).

В национальных республиках этого региона «в большинстве случаев представители так называемой титульной нации или титульного этноса пытаются монополизировать высшие государственные должности, оставляя за национальными меньшинствами, в лучшем случае, второстепенные или третьестепенные должности. Этот аспект связан с существованием в этническом плане биполярных (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) и даже многополярных (Республика Дагестан) национальных республик. На этой основе возник совершенно парадоксальный для современных реалий феномен этнонациональной стратификации, т.е. иерархизации этнонациональных групп, каждой из которых отведено определенное положение в обществе и государстве и, соответственно, в системе разделения власти и собственности» (Гаджиев, 2012).

Специалисты отмечают, «структура политических элит соответствует моноцентричной модели функционирования, где центром власти выступает либо административное, либо экономическое ядро. Основными видами элитных структур являются идеократическая, разделенная, фрагментированная, консенсусная. Специфика российских политических элит – в их отраслевой и территориальной гетерогенности. В федеративном государстве формирование и институционализация элит неизбежно идут на взаимосвязанных, но автономных уровнях: общегосударственном, региональном и местном. В полиэтничных регионах, особенно – республиках Северного Кавказа, этнополитическая стратификация является ведущим фактором политико-элитной диспозиции» (Салгириев, 2012).

Механизмы функционирования элитных групп

У элитных групп Северного Кавказа имеются свои как региональные, так и этнокультурные особенности. Было замечено, что момент ослабления центральной власти в России связан с попытками элитных этнических образований компенсировать это ослабление путем усиления собственных позиций. Но нехватка ресурсов толкала их к поиску новых точек опоры извне. В момент, когда российский центр демонстрирует свою мощь, местные элиты выражают свою лояльность и преданность идее единой Российской Федерации. Этим нехитрым механизмом и объясняются многие процессы, связанные с властными отношениями в этом регионе. Всё определяют ресурсы. Точнее, их регулярная нехватка.

Формирование власти происходит на принципах иерархического консенсуса с федеральным центром. Лидерство отдельного политика должно быть подтверждено Москвой и одобрено местными структурами власти. Получение подобного одобрения открывает путь в структуры публичной власти.

В настоящее время цикл конфронтации завершен. Наступило время консенсуса и диалога. Исторически российский центр еще со времен Российской Империи предполагал именно подобного рода отношения: интеграция в

обмен на лояльность (Записки А.П. Ермолова, 1991). Несогласных с этим, как правило, поддерживали соперники России по геополитике (Великобритания, Турция, Персия), которые сами стремились закрепить в этом регионе, с целью ограничения здесь российского присутствия (Гаджиев, 2010).

Вечным вопросом элит северокавказского региона была, есть и будет проблема соотношения местных традиций демократии с классическими демократическими ценностями. К.С. Гаджиев в этой связи справедливо отмечал, что «демократия может утвердиться и институционализироваться на конкретной национальной почве лишь в том случае, если общепринятые демократические ценности и нормы стали таковыми для большинства населения. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации. А это вещи, достигаемые в результате длительного исторического опыта. Этим объясняется тот факт, что основополагающие институты, принципы, установки политической демократии и правового государства, зафиксированные в конституциях национальных республик, пока что не поднялись на высоту той роли, которую они должны были бы играть в демократическом обществе» (Гаджиев, 2012).

В регионе Северного Кавказа наблюдаются два вида демократии – патриархальная (основанная на местных традициях, как например, совета старейшин в каждом селении) и институциональная – гарантированная Конституцией, отчасти формальная, отчасти дистанцированная от глубинных народных масс. Найти разумное их соотношение, входит в задачу непосредственно самих политических элит. Последним самим надо научиться эффективно функционировать в условиях демократии, что отнюдь не исключает их авторитарные стилируководства.

В мире наблюдается плюрализм демократии. И все попытки установить монополию на нее обречены на крах. Можно и нужно согласиться с тем мнением, что «Демократия есть то, что признается народом полезным для его блага и чего не могут игнорировать и самостоятельно преодолеть в своей практике их правящие элиты» (Карабущенко, Вартумян, & Шебзухова, 2021, стр.22). И далее: «демократия, как язычество, идет от крови и традиции народа, политическая система которой осуществляет над ним свою власть. Демократия всегда имеет свое языковое многообразие и не дело одного «демократического язычества» диктовать другому, каким ему быть» (Карабущенко, Вартумян, & Шебзухова, 2021, стр.22-23).

«Методы народной дипломатии в условиях традиционализма институтов и норм политики на Северном Кавказе могут дополнять усилия административных элит по оптимизации политического управления. Формами народной дипломатии выступают советы старейшин, женские, молодежные, национально-культурные, спортивные объединения. ...Практики политического управления на Северном Кавказе должны учитывать нормы традиций и обычного права в обеспечении межэтнической толерантности и миростроительства» (Салгириев, 2012).

Традиционализм в системе управления

Обобщая многочисленные случаи проявления патриархальных традиций власти этого многонационального региона, и оставляя эти конкретные случаи и бытовые подробности за скобками настоящего исследования, мы остановимся на общих моментах, иллюстрирующих нам рассматриваемую проблему.

Существующая здесь модель управления имеет целый ряд существенных особенностей, несколько выходящих за правовые федеральные нормы Российской Федерации. Местные власти вынуждены действовать, учитывая исторические традиции, существующие здесь еще за долго до вхождения этих территорий в состав России.

Региональные элиты Северного Кавказа чаще всего характеризуются как властные структуры традиционного типа. Действительно, патриархальные традиции сильны в этом сообществе и эти силы не могут не оказывать своего давления на формирование и функционирование региональной власти.

Патриархальные отношения между поколениями устанавливают особые связи между действующими здесь политиками и администрациями. Во многом эти традиции определяют расстановку сил и поведение акторов. Поэтому субъектам всегда приходится объяснять свои действия этому патриархальному миру, от которого зависит уровень доверия и одобрения его власти. Без доверия власть рискует впасть в стагнацию и конфликт.

Принимать ответственные решения без формального одобрения патриархального мира («глубинное общество») значит снижать уровень доверия к своей власти. Если в США существует «глубинное государство», то на Северном Кавказе есть «глубинное общество», которое внимательно следит и судит шаги своей официальной власти. Существует некая форма двоевластия. Незримая рука традиции горских народов всегда была здесь четвертой властью, оттесняя СМИ на почетное пятое место.

Одобрение – знак доверия. И это одобрение важный фактор согласия и соборности, спокойствия и безопасности, что всегда было политической ценностью, за которую боролись и сражались не одно поколение политических элит Северного Кавказа. И в установлении согласия важнейшую роль играет язык. На Кавказе проблема языка всегда стояла на первом месте и те элиты, которые не могли ее решить, всегда оказывались у разбитого корыта (Абдулатипов, & Дибров, 2015, стр.457 и далее).

Традиции сформировали уважительное отношение к многоязычию этого региона. Здесь каждый язык имеет равные юридические права, но разный объем бытового использования. Многоязычие всегда носило разделяющий характер в истории. Из-за этого фактора пало немало великих империй. Поэтому объединительную роль здесь играет русский язык и русская культура. На Кавказе сложилась «уникальная культурная идентичность, основанная на русской национальной культуре и русском языке, рассматривается как

важнейший посредник или переводчик разной этнической идентичности в общую гражданскую идентичность» (Абдулатипов, & Дибров, 2015, стр.591).

Семейно-клановые связи определяют расстановку сил в административных кругах, выдвигая на первые руководящие позиции некие авторитетные фигуры, которые имеют финансово-экономическое обеспечение, дающие им определенные ресурсы власти. Видимым свидетельством этому стали вновь появившиеся на Северном Кавказе «феодалные замки» и роскошные дворцы «вотчинных владений» новых местных князьков (узденей). Как символ их благополучия и богатства, эти объекты недвижимости могут многое нам рассказать и многое раскрыть из того, что находится в теневой сфере деятельности местных элитарных сообществ.

«Глубинное общество» Северного Кавказа это некие теневые структуры, которые определяют экономическую конфигурацию и административно-политический портрет всего этого региона. Теневая сфера всегда сопряжена с криминалом и коррупцией. И новые феодальные замки во многом были построены на эти коррупционные средства. В СМИ неоднократно появлялись сведения о том, что подвалы некоторых коррупционных чиновников были превращены в подпольные банки – сейфы по хранению огромной банковской наличности.

Традиционное общество заставляет власть всегда уважительно относиться к народным праздникам, поэтому требует выполнения неких ритуалов, связанных с рождением, свадьбой или похоронами, обязательных для всех (Алексеев, 2010). Эти обычаи необходимо не просто знать, но и соблюдать, демонстрируя все свое уважение к этим традициям.

Проблемой также является и соответствие региональных национальных элит их государственному статусу. Не все местные элиты, опираясь на свой региональный (национальный) уровень, соответствуют уровню государственного статуса. Многие этносы входили в состав России, находясь еще на догосударственном уровне. Поэтому у них нет культурной традиции государственности. Они могут демонстрировать эту зрелость только в составе России, только в рамках российской государственной традиции. Поэтому эти региональные этноэлиты не стали общенациональными элитами. Нечто подобное мы наблюдаем и среди элит Южного Кавказа. Так, например, в Грузии элиты этой страны так до конца и не стали общенациональными элитами, оставаясь региональными (местничковыми) группировками (Кирчанов, 2021). Именно слабость традиции государственных институтов приводит к их некачественному функционированию, что способствует росту деструктивности в виде коррупции и криминалитета теневой экономики.

Деструктивные элементы формирования и функционирования элит

У этого региона есть несколько деструктивных тенденций, которые признаны общественной российской наукой в качестве её самых болевых зон, это: социальная дифференциация, коррупция, экстремизм, криминализация. Для нас важны мнения и оценки представителей именно элитных сообществ, то, как они характеризуют эти проблемы и какие предлагают способы решения.

Усиления разрыва в социальной дифференциации всегда содержали в себе угрозу социального напряжения и конфликта. Субъекты Северного Кавказа, как правило, по своим социально-экономическим показателям относились к дотационным регионам Российской Федерации. В 1990-2010-е гг. остро стоял вопрос трудоустройства населения. Высокий уровень безработицы создавал дополнительные социально-экономические и политические проблемы (Романова, 2002; Пелина А.Н., 2004). Качество жизни населения Северного Кавказа всегда было предметом особого внимания со стороны как региональных, так и федеральных властей (Гаврилова, 2005).

Исследователи часто обращают внимание на постоянно возникающий во взаимоотношении власти и общества социально-экономический разрыв. Было замечено, что местные элиты чаще всего усиливаются за счет использования криминальных форм роста, и, напротив, те, кто идет на интеграцию с федеральным центром, часто утрачивают «близость» со своей территорией. «Ослабление этнической элиты связано, как правило, с ее интеграцией в интернациональное сообщество (политическое, правовое, финансовое, хозяйственное или любое другое). Но чтобы это произошло, уровень элиты должен соответствовать уровню сообщества» (Белоусов, 2001).

Никто никогда на Кавказе не отменял традиции родоплеменных отношений. Аналитики отмечают, что «не родственные связи и отношения (фундаментальная традиция этносов), а социальная конкуренция патронов кланов за власть и ресурсы порождают местные проблемы и, в частности, проблемы в судебных органах. Несоблюдение легальных прав граждан, возможно, заключаются также не только в использовании каких-то «традиций» в ходе судебного разбирательства, а в полном отсутствии судебного контроля и наличии закулисного контроля над деятельностью «независимых» судов. Возможно, правильнее говорить, что беззаконие порождает «традицию», а не наоборот» (Кадыров, 2012).

Вторая обозначенная проблема – коррупция – отягощала первую и «работала» на разрыв конструктивной связи общества и власти. Борьба с коррупцией – это вечная тема, с которой имели дело и жители древних Афин, и современного Вашингтона. И регион Северного Кавказа в этом плане не является исключением. Это общечеловеческая проблема.

Ни для кого не секрет, что коррупция на Северном Кавказе давно уже вписана в общероссийские криминальные схемы. Так, в декабре 2018 г. спецпредставитель президента Российской Федерации по Каспию бывший глава Дагестана (2013 – 2017 гг.) Рамазан Абдулатипов заявил, что «коррупцию в Дагестане курировали из Москвы, из республики годами выводили деньги». «В Дагестане знают, что в республике нет и не было ни одного вора и бандита, у которого нет куратора в Москве... Я снял с работы четверых министров за коррупционные дела. Снял 22 руководителя городов и районов за коррупцию. А в результате с чем боролся, на то и напоролся. Обвинили за все, что там было, весь бардак, который еще со времен Петра Великого» (Абдулатипов, 2018). По его мнению, имелся целый класс людей, которые годами перекачивали средства из Дагестана в Подмосковье, строя свои коттеджи. Когда он на посту главы Дагестана начал наводить порядок, поступления в Москву снизились. Этот фактор Абдулатипов считает одной из причин своей отставки (Абдулатипов, 2018). Вопрос о том, насколько мы можем доверять мнению самого Р. Абдулатипова, остается открытым. В данном случае нас интересует его личная оценка ситуации с коррупцией в зоне его административной ответственности.

То, что в коррупционных схемах замешаны и представители власти, ни у кого не вызывает никаких сомнений. Коррупция – всеобщий порок человечества. В России коррупция чиновников чаще всего связана с бюджетом и работой корпораций. «В МВД указали, что наиболее подверженными коррупционным проявлениям на протяжении последних лет продолжают оставаться органы госвласти и местного самоуправления, в особенности в сферах распределения и расходования бюджетных средств, в том числе выделяемых на реализацию национальных проектов и целевых программ, выделения земельных участков, а также сферы образования и здравоохранения» (Коррупция, 2012). Рост коррумпированности власти приводит к возникновению недоверия со стороны местного населения, что приводит к росту различных форм сопротивления. Самый негативной является националистический экстремизм, как правило, замешанный еще и на религиозной теме.

Кавказ и его северная часть всегда находилась под угрозой обострения экстремизма. Террористическая угроза всегда держала население этого региона в постоянном напряжении. В 1990-е гг. Россия столкнулась с самой настоящей интервенцией международного терроризма в этот регион. Справиться с этой угрозой ей стоило больших усилий. Поэтому допускать рецидива никак нельзя. Деструктивные силы не перестают прилагать свои усилия для того чтобы расшатать мир и порядок в этом регионе. Особенно это касается иностранных деструктивных сил. Для этого ими используются все болевые зоны Северного Кавказа, в том числе и криминальные структуры.

Иностранцам исследователям бросается в глаза внешняя близкая связь бизнеса и криминалитета этого региона (Алексеев, 2010). Они практически не различают, где заканчивается криминалитет, и где начинается власть. Для них

это единое социально-экономическое пространство. Отечественные исследования подобного рода близорукостью не страдают и четко устанавливают границы размежевания.

Распространение в этом регионе криминальных структур тоже заставляет власти постоянно корректировать свои внутреннюю политику и выстраивать ее таким образом, чтобы снизить эти угрозы до среднестатистических общероссийских величин. Разгул криминалитета тоже пришелся на период 1990 – 2000-х гг. и был связан с общим ослаблением центральной власти в России. Местным властям просто не хватало административного ресурса, чтобы навести порядок и прекратить слияние власти и криминала. Как правило, тема криминала возникает в связи с коррупцией и судебному преследованию подвергаются выявленные во властных структурах лица, занимавшиеся этой деятельностью. При этом это касается не только национальных республик, но и краев и областей Юга России, относящихся к этому региону.

Так, в 2019 г. громким делом стал арест и суд сенатора от Карачаево-Черкесии Рауфа Арашукова, который был задержан прямо в зале заседаний Совета Федерации в Москве. Позже ему предъявили обвинение в участии в преступном сообществе, принуждении к даче показаний и убийстве. Тогда же был арестован и его отец (Рауль Арашуков, – «газовый король»), обвиненный в крупных хищениях в «Газпроме». СМИ тогда отмечали, что «аресты проходят также в Ставрополе, Невинномысске, Будённовске, Махачкале, Астрахани – это не карачаево-черкесское, а общекавказское дело». В разные годы по обвинению в преступной деятельности задерживались региональные чиновники самого высокого уровня – главы регионов, министры, мэры, депутаты... Власть самоочищается, но не всегда у нее это получается своевременно делать. Карьеры многих VIP чиновников завершились за решетками российской пенитенциарной системы...

Мы не ставим перед собой задачу показать хронику региональной коррупционной борьбы. Но то, что главным участником этой борьбы с обеих сторон являются представители административно-политической элиты – очевидно. При этом открытым остается вопрос о том, что перевешивает – правопорядок или криминал. Последний всегда остается в тени и выявляется только в результате итогов борьбы с ним. Поэтому он всегда присутствовал и продолжает присутствовать в «серой зоне» взаимоотношений элитных групп.

Выводы

Ряд вопросов по рассматриваемой нами теме, до сих пор остается открытым и их решение отложено на неопределенное будущее. Так, например, по сей день открытым остается и вопрос о роли местных элитарных сообществ в формировании геополитической повестки России (Гаджиев, 2010в). Между тем Кавказ как геополитический регион всегда пользовался повышенным интересом у ведущих мировых стратегий. Здесь сходились интересы мировых

ведущих держав. И сегодня этот регион находится в фокусе их стратегического внимания (Карабущенко, 2021).

Зато ответ на вопрос, что в субъектах региональной власти преобладает «политическое или чиновническое», не вызывает никакого сомнения: преобладает второе, потому что первое успешно и настойчиво изымает из их профессионального функционала федеральный центр. Региональные элиты довольствуются выполнением административной функции и редко когда претендуют на политическую.

Общность существующих в этом регионе проблем, объединяет власти всех субъектов в их борьбе с ними. Это позволяет не только обмениваться опытом, но и совместно планировать стратегию борьбы с ними. Власти самой выгодно заблаговременно купировать и не допускать обострения конфликтных ситуаций, которые вызревают и развиваются на базе существующих здесь проблем.

Местные элитные сообщества прекрасно понимают, что стоящие перед ними проблемы носят системный характер, решить которые можно тоже только при системном к ним подходе. Самая главная их задача – обеспечение безопасности не только у себя в субъекте, но и во всем регионе в целом. Административно-политические элиты должны гарантировать местному населению мир и порядок. Это их основной конституционный долг. Но именно качество решения этой проблемы и определяет степень эффективности их профессиональной деятельности, гарантирует доверие населения и конструктивный диалог с ним.

Список литературы

- Stokes, S. C. (2011). Political Clientelism. В The Oxford Handbook of Political Science (p. 648–672). Handbooks. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199604456.013.0031
- Абдулатипов Р.Г. (2018). У дагестанских коррупционеров нашли московских кураторов. Извлечено от News mail website: <https://news.mail.ru/politics/35661706/?frommail=1>;
- Абдулатипов Р.Г., & Дибров, А.-Н. З. (2015). Российский Кавказ: Проблемы, поиски, решения (с. 600). Аспект-Пресс.
- Алексеев, А. (2010). Отчет американского дипломата о посещении свадьбы дагестанского политика Ведомости. Wikileaks.
- Афанасьев М.Н. (1997). Клиентелизм и российская государственность (2-е изд. доп. М). Московский Общественный Научный Фонд.
- Белоусов М.В. (2001). Этнические элиты Северного Кавказа. Автореферат.
- Вартумян А.А. & Поляков А.В. (2004). Региональные политические элиты (с. 112).
- Вартумян А.А. (2004). Региональные политические элиты: Формирование, строение, институционализация Региональные политические элиты: Форма, строение, институционализация: Гл. 1,2. ООО «Базис».

- Вартумян А.А. (2007). Этнократия на Северном Кавказе: Механизмы формирования и пути трансформации в региональную элиту.
- Вартумян А.А. (2011). Элиты Кавказа: Историко-элитологический словарь Вопросы элитологии: Философия, культура, политика: Т.7-8.
- Гаврилова Т.В. (2005). Территориальная дифференциация качества жизни населения Ставропольского края (с. 176).
- Гаджиев К.С. (2010а). «Большая игра» на Кавказе: Вчера, сегодня завтра. Международные отношения.
- Гаджиев К.С. (2010b). Кавказский узел в геополитических приоритетах России (с. 532).
- Гаджиев К.С. (2010с). Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа Мировая экономика и международные отношения (с. 2).
- Гаджиев К.С. (2011). Этнонациональная и геополитическая идентичность. Кавказа. Saarbrücken. Lambert Academic Publishing.
- Гаджиев К.С. (2012). Природа политических режимов национальных республик Северного Кавказа—Россия и мусульманский мир (с. 6).
- Дегоев В.В. (2007). Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения Кавказ в российской политике: История и современность.
- Дугин, А. (2012). Современные элиты Северного Кавказа (социально-политический обзор) Кавказ: Трансформация лидерства и политических элит: Т. 6.
- Ермолова, З. А. П. (1798). (с. 463). В.А. Федорова.
- Задержан сенатор от Карачаево-Черкесии РауфАрашуков. (2019). https://corrypcii.net/news/zaderzhan_senator_ot_karachaevo_cherkessii_rauf_arashukov/2019-01-30-2421
- Известия: арест мэра Махачкалы санкционирован Кремлем. (2013). <https://polit.ru/news/2013/06/03/kremlinagainst/>
- Кадыров, Ш. (2012). Элиты Кавказа: Факты и методологии. Извлечено от Kavkazoved website: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/09/16/elity-kavkaza-fakty-i-metodologii.html>
- Карабущенко П.Л. (2015). Элиты Северного Кавказа: Патриархальная элитарность и современность Материалы международного Форума «Кавказ в начале XXI века: Народы, общество и государство» под.ред. В Издательство ПФ СКФУ: Т.1 (с. 352 171-182).
- Карабущенко П.Л. (2021). Осевой регион геополитической истории Евразии. Caspium Secretaris (Т. 1, Выпуск 1, сс. 35–54).
- Карабущенко П.Л., Вартумян А.А., & Шебзухова Т.А. (2021). Политические элиты Большого Кавказа (современная элитологическая компарати-вистика): Монография. «КДУ», «Добросвет», 278. doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1170-2-2021-278.
- Кирчанов М. В. (2021). Интеллектуальная критика церкви в современной Грузии как конфликт элит-Вопросы элитологии 2(1), 113–146. doi: 10.46539/elit.v2i1.55
- Коррупция на Северном Кавказе. (2012). Коррупция. Извлечено от Korrossia website: <http://korrossia.ru/russia/in/5951-korruptsiya-na-severnom-kavkaze.html>
- Парфёнов Л. Дело Арашуковых и коррупция в Карачаево-Черкесии. (2019). <https://zen.yandex.ru/media/parfenov/delo-arashukovyh-i-korruptsiya-v-karachaevocherkessii-60dc7e96724c8676a0c8a452>

- Пелина А.Н. (2004). Северный Кавказ: Территориальная этнодемографическая и социальная дифференциация. Проблемы и следствия. На примере республик Северного Кавказа (с. 171).
- Расходы выше доходов: имущество Рауфа Арашукова и его семьи обернут в казну. (2020). <https://eadaaily.com/ru/news/2020/07/28/rashody-vyshe-dohodov-imushchestvo-raufa-arashukova-i-ego-semi-obernut-v-kaznu>
- Романова И.А. (2002). Социально-экономическая дифференциация населения Северного Кавказа (с. 209).
- Саидов А.С. (2010). Этнический фактор в становлении и развитии российского федерализма: Региональные особенности: На примере Республики Дагестан (с. 190).
- Салгириев, А. Р. (2012). Политические элиты современной России как субъект управления политическими процессами: На материалах Республик Северного Кавказа.
- Чирикова А.Е. (2010). Региональные элиты России. «АспектПресс».

References

- Abdulatipov, D. (Ed.). (2015). The Russian Caucasus: Problems, searches, solutions (p. 600). Aspect-Press. (in Russian).
- Abdulatipov. (2018). Dagestan corrupt officials found Moscow curators. Retrieved from Mail news website: <https://news.mail.ru/politics/35661706/?frommail=1>; (in Russian).
- Afanasiev M.N. (1997). Clientelism and Russian statehood: Vol. 2nd ed. add. Moscow Public Scientific Fund. (in Russian).
- Alekseev, A. (2010). American diplomat's report on attending the wedding of a Dagestan politician. Vedomosti. (in Russian).
- Belousov M.V. (2001). Ethnic Elites of the North Caucasus. (in Russian).
- Chirikova A.E. (2010). Regional Elites of Russia. Aspect Press. (in Russian).
- Corruption (2012). Corruption in the North Caucasus. Retrieved from Korrossia website: <http://korrossia.ru/russia/in/5951-korrupciya-na-severnom-kavkaze.html> (in Russian).
- Degoev V.V. (2007). Socio-political challenges of the 21st century and the development of Russian Caucasian studies The Caucasus in Russian politics: History and modernity. (in Russian).
- Dugin, A. (2012). Modern elites of the North Caucasus (socio-political review) Caucasus: Transformation of leadership and political elites (TadeuszBodio, Ed.; Vol. 6). (in Russian).
- Expenses are higher than revenues: the property of Rauf Arashukov and his family will be wrapped up in the treasury. (2020). <https://eadaaily.com/ru/news/2020/07/28/rashody-vyshe-dohodov-imushchestvo-raufa-arashukova-i-ego-semi-obernut-v-kaznu> (in Russian).
- Gadzhiev, K. (2010). Ethno-National and Geo-Political Identity of Caucasus. World Economy and International Relations, 2, 64–74. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-2-64-74> (in Russian)
- Gadzhiev K.S. (2010b). Great Game" in the Caucasus: Yesterday, today tomorrow. International relations. (in Russian).
- Gadzhiev K.S. (2010c). The Caucasian Knot in Russia's Geopolitical Priorities (p. 532). (in Russian).
- Gadzhiev K.S. (2011). Ethno-national and geopolitical identity of the Caucasus (p. 531). Lambert Academic Publishing. (in Russian).

- Gadzhiev K.S. (2012). The nature of the political regimes of the national republics of the North Caucasus—Russia and the Muslim world (Issue 6). (in Russian).
- Gavrilova T.V. (2005). Territorial differentiation of the quality of life of the population of the Stavropol Territory (p. 176). (in Russian).
- Izvestia: the arrest of Makhachkala mayor sanctioned by the Kremlin. (2013). <https://polit.ru/news/2013/06/03/kremlinagainst/> (in Russian).
- Kadyrov Sh. (2012). Elites of the Caucasus: Facts and Methodologies. Retrieved from Kavkazoved website: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/09/16/elity-kavkaza-fakty-i-metodologi-i.html> (in Russian).
- Karabushenko P.L. (2015). Elites of the North Caucasus: Patriarchal elitism and modernity -Proceedings of the International Forum "The Caucasus at the beginning of the XXI century: Peoples, society and the state: Vol. V (Issue 1, p. 352 171-182). PF NCFU Publishing House. (in Russian).
- Karabushenko P.L. (2021). The axial region of the geopolitical history of Eurasia. *Caspium Secritaris*, 1(1), 35–54. <https://doi.org/10.21672/2713-024X-2021-1-1-035-054>(in Russian).
- Karabushenko P.L., Vartumyan A.A., & Shebzukhova T.A. (2021). Political elites of the Greater Caucasus (modern elitological comparative studies): Monograph,(p. 278). 'KDU', 'Dobrosvet'. doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1170-2-2021-278. (in Russian).
- Kirchanov M. V. (2021). Intellectual criticism of the church in modern Georgia as a conflict of elites. *Issues in elitology* 2,(1), pp. 113–146).doi: 10.46539/elit.v2i1.55 (in Russian).
- Parfyonov L. The Arashukov case and corruption in Karachay-Cherkessia. (2019). <https://zen.yandex.ru/media/parfenov/delo-arashukovyh-i-korruptsiia-v-karachaevocherkesii-60dc7e96724c8676a0c8a452> (in Russian).
- Pelina A.N. (2004). North Caucasus: Territorial ethno-demographic and social differentiation. Problems and consequences (On the example of the republics of the North Caucasus (p. 171). (in Russian).
- Romanova I.A. (2002). Socio-economic differentiation of the population of the North Caucasus [Dissertation ... candidate of geographical sciences: 25.00.24.]. (in Russian).
- Saidov A.S. (2010). Ethnic factor in the formation and development of Russian federalism: Regional features: On the example of the Republic of Dagestan [Dissertation for the degree of candidate of political sciences in the specialty 23.00.02.]. (in Russian).
- Salgiriev, A. R. (2012). Political elites of modern Russia as a subject of political process management: Based on the materials of the Republics of the North Caucasus [Dissertation for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.02.]. (in Russian).
- Senator from Karachay-Cherkessia Rauf-Arashukov detained. (2019). https://corrypcii.net/news/zaderzhan_senator_ot_karachaevo_cherkesii_rauf_arashukov/2019-01-30-2421 (in Russian).
- Susan C. Stokes. (2011) Political Clientelism. *The Oxford Handbook of Political Science*. Oxford Handbooks. 648–672. doi:10.1093/oxfordhb/9780199604456.013.0031
- Vartumyan A.A. & Polyakov A.V.. (2004). Regional political elites: Formation, structure, institutionalization (p. 112). (in Russian).
- Vartumyan A.A. (2004). Regional political elites: Formation, structure, institutionalization Regional political elites: Form, structure, institutionalization (Issue 1.2). LLC 'Basis'. (in Russian).

- Vartumyan A.A. (2007). Ethnocracy in the North Caucasus: Formation mechanisms and ways of transformation into a regional elite. (in Russian).
- Vartumyan A.A. (2011). Elites of the Caucasus: Historical and Elitological Dictionary. Issues in elitology: Philosophy, culture, politics: Vol. 7-8. (in Russian).